

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у 2 ч. Ч. 2 / Я. А. Юхо. – Мінск: РІВШ БДУ, 2003. – 275 с.
2. Круталевич, В. А. История Беларуси: становление национальной державности / В. А. Круталевич. – Минск : Право и экономика. – 1999. – 385 с.
3. Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў у 10 т. / рэдкал. І. Антановіч (гал рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелНДДАС, 1997. – Т. 1 : 1917 – 1922. – 398 с.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1996. – Т. 3. Гімназіі – Кадэцыя. – 527 с.

Сальков Анатолий Петрович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

«БЕЛОРУССКАЯ ЛИНИЯ» ЮГОСЛАВСКО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ГРАНИЦЫ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И СЕССИЯХ СМВД (1945–1949 гг.)

Триестинский кризис (1 мая – 9 июня 1945 г.), потрясший союзников по антигитлеровской коалиции, был вызван занятием югославскими войсками части спорного итало-югославского района Юлийской Крайны с полуостровом Истрия и городом-портом Триест, которые до войны принадлежали Италии [1; 2]. Однако еще накануне кризиса было выработано предварительное разграничение – линия раздела Юлийской Крайны по «соглашению Тито-Александер» от февраля 1945 г. (Триест и Горица под западным военным управлением с югославской гражданской властью) [3, с. 46–48].

Словенское освободительное движение целый век вело тщетную борьбу за Триест и выход к Адриатике, но не воспринимало национальных запросов итальянского населения Истрии [4]. В ходе Второй мировой войны это выразилось в итальянских погромах осенью 1943 г. и в мае 1945 г., учиненных югославскими партизанами в городах западного побережья Истрии [5, с. 50]. Югославы устроили в Триесте резню пленных немцев, итальянских полицейских и даже итальянских антифашистов, считавших, что Триест должен быть в составе Италии, с числом расстрелянных от 2 до 3,5 тыс. человек [6, с. 240; 7, р. 86]. Проблема fojbe (карстовые пещеры, в которые сбрасывались тела казненных) получила отражение в серьезной научной литературе [8; 9; 10].

Под сильнейшим нажимом западных лидеров, а также И. В. Сталина Югославия отвела свои войска и заключила с Англией и США Белградское соглашение 9 июня 1945 г., восстановившее статус-кво «соглашения Тито-Александер». Документом от 20 июля была определена линия демаркации («линия Моргана», по имени начальник штаба союзных войск в Италии). Она делила Юлийскую Крайну на две зоны – зону «А» (северо-западная часть края с Триестом), оккупированную англо-американскими частями и зону «Б» – (остальная, большая часть края), контролируемую войсками Югославии [11, с. 368–371; 12, р. 327–348]. Окончательное решение проблемы было отложено.

Конфликт в Юлийской Крайне вступил в новую фазу на I (Лондонской) сессии Совета министров иностранных дел великих держав (СМВД, 11 сентября – 2 октября 1945 г.), где началась выработка мирного договора с Италией. Были внесены четыре его проекта. Британский, американский и

французский делили Юлийскую Крайну в отличающихся пропорциях, но с неизменным оставлением за Италией западной части Истрии с Триестом. Советский проект позволял воссоединить с Югославией всю Юлийскую Крайну и Приморье с Триестом, объявив его свободным портом [13]. Сессия СМВД закончилась безрезультатно, но обсуждение проблемы Истрии-Триеста вылилось в острейшую схватку за политическое присутствие на Балканах. Запад, смирившийся с гегемонией СССР в восточной части Истрии, препятствовал распространению его влияния на западную часть полуострова.

На Совещании заместителей министров иностранных дел (февраль – апрель 1946 г.), где продолжилась разработка мирных договоров с сателлитами Германии, была создана Межсоюзная комиссия экспертов по итало-югославской границе. По причине острых разногласий она не смогла прийти к общему мнению. 23 апреля вместо одной согласованной линии комиссия представила четыре линии границы. Советская линия была проведена к западу от нижнего течения р. Соча (*ит.* Изонцо), почти совпадая со старой итало-австрийской границей 1866 г. и учитывая все претензии Белграда. Она оставляла на югославской стороне земли на севере Юлийской Крайны – восточную часть Канальской долины в Юлийских Альпах, часть Бенешской Словении, весь район Горицы с городом Градишка, все Словенское Приморье и весь Триестинский залив с городами Тржич и Триест. Французская, английская и американская линии одним пучком проходили гораздо восточнее и оставляли на итальянской стороне все упомянутые в советском варианте районы. Юго-восточнее Триеста эти три линии разделялись, по-разному углубляясь в территорию полуострова Истрия, который даже в соответствии с линией Morgana считался югославским. Французская (наиболее близкая к советской) передавала Италии обширный район вокруг Триестинского залива с Триестом и северо-западное побережье Истрии до города Новиграда [14, p. 209–223; 15, s. 50–51].

Именно в период работы Совещания заместителей министров правительство Белорусской ССР наконец подготовило ответ на давнишнее (еще от 17 сентября 1945 г.) письмо министра иностранных дел Франции Жоржа Бидо с просьбой изложить свои взгляды на мирный договор с Италией. В документе отмечалось, что итальянские войска, отступая из-под Сталинграда, с декабря 1942 по май 1943 г. вели на территории Беларуси ожесточенную борьбу с партизанами и нанесли большой урон экономике республики. Поэтому было бы справедливо получить с Италии репарации. Точная сумма не называлась в надежде на выделение справедливой доли. В вопросе о границе с Югославией подчеркивалось, что БССР испытывает «живейшее сочувствие» борьбе югославского народа за национальное объединение, так как сама недавно осуществила объединение своего народа и выступает за передачу Югославии Юлийской Крайны и Триеста, который нельзя отрывать от этого края [16, л. 2–10].

Проблема границы жестко дискутировалась на II (Парижской) сессии СМВД (апрель – июль 1946 г.). Накануне сессии были разработаны «Рекомендации, предлагаемые Советской делегацией по вопросу итало-югославской границы», на которых базировалась вся стратегия советской делегации [17, л. 82–85]. СССР, испытывая по вопросу Юлийской Крайны сильное давление Запада, в свою очередь оказывал давление на Италию. Так, министр иностранных дел В. М. Молотов в начале сессии настаивал на внесении в мирный договор с Италией фразы «и несет свою долю

ответственности за эту войну». Он также огласил претензию СССР на репарации с нее в размере 100 млн долл., как незначительную часть причиненного ущерба. Молотов сформулировал положение, что «вторжение итальянских войск на территорию других государств не должно остаться безнаказанным» и привел ряд примеров. 8-ая итальянская армия в составе 250 тыс. бойцов дошла в августе 1942 г. до Дона, продвинувшись вглубь советской территории на 1500 км. Минск, который подвергся вторжению не только немецких, но и итальянских войск, являлся одним из самых разрушенных городов Советского Союза. Харьков, где также были итальянские войска, стал одним из самых разрушенных городов Украины [18, л. 21–22, 24–25].

В выступлении 4 мая Молотов отмечал, что Юлийская Крайна до 1918 г. никогда не принадлежала Италии и для нее этот край – «случайный результат ликвидации империи Габсбургов». Он резко критиковал английскую и американскую линии, которые отрезали от Югославии узкую полосу (от 1 до 8 км) западного побережья Истрии, закрывая здесь доступ к морю. По мнению Молотова «несправедливость такого ущемления Югославии очевидна и поистине не имеет прецедентов», подобный подход «похож на наказание Югославии и ее словенско-хорватского населения». Касательно Триеста были повторены оценки о том, что он является центром славянского края, «главным и даже единственным крупным портом» для Югославии, передача которого Италии повредит ему самому [18, л. 152–156]. События ввиду непреклонности сторон привели к решению о создании по предложению СССР квазигосударства «Свободная Территория Триест» (СТТ), чье название придумал Ж. Бидо [19, л. 3]. 12 июля, в последний день работы сессии была принята французская линия в качестве основы югославско-итальянской границы [15, s. 51–52].

На Парижской мирной конференции (июль – октябрь 1946 г.) изучались проекты мирных договоров. Западные делегации попытались пересмотреть согласованную в СМВД югославско-итальянскую границу и расширить размеры СТТ [20]. В общей дискуссии В. М. Молотов, понимавший, что делегации СССР, БССР, УССР и стран советского блока находятся в меньшинстве, постарался перехватить инициативу. Выступая 31 июля, он сформулировал подход, чтобы «мы на деле считались с интересами стран, подвергшихся нападению» и заявил, что не только большие государства не должны навязывать своей воли малым странам, но и «тому или иному большому государству» не должны навязывать свою волю другие сильные государства [21, л. 59–60, 62].

В этот острый момент ощутимая помощь со стороны дружественных Югославии стран была реализована в предложении Белорусской ССР. Оно получило название «белорусской линии», считавшейся крайним минимумом, на который Югославии можно было пойти для достижения компромиссного решения [22, л. 50–56, 110]. «Белорусская линия», руководствуясь этническим принципом, включала в состав Югославии Горицу и несколько деревень к западу и югу от нее, а также участок Бенешской Словении, сокращая протяженность границы на этом участке с 46 до 22 км. В отличие от французской линии, создающей искусственный коридор между Триестом и Тржицем площадью 500 кв. км с населением в 65 тыс. человек (из них 35 тыс. словенцев и хорватов), который отрезал Словению от моря, белорусская линия устраняла этот коридор и открывала Словению выход к Адриатике. Белорусское предложение целиком учитывало систему сообщений и коммуникаций в районе верховий р. Сочи,

оставляя внутри СТТ только Триест. Остальная территория к югу от города включалась в ФНРЮ, основываясь на принципе близости [23, л. 158–160].

Выступая 4 сентября 1946 г. на заседании Комиссии по Италии (рабочий орган ПМК), министр иностранных дел БССР К. В. Киселев дал детальное топографическое описание белорусской линии. Он осудил французскую линию, оставлявшую вне границ Югославии 180 тыс. славян, назвав ее не «линией этнического равновесия, а линией этнической несправедливости», которая «запрещала словенскому народу выход к Адриатическому морю». Характеризуя спорные участки границы, он отметил, что в Бенешской Словении по переписи 1921 г. насчитывалось 15 тыс. словенцев и 0,4 тыс. итальянцев, в Горице – 10,9 тыс. и 14,8 тыс. (но все предместья были полностью словенскими), в «коридоре» между Триестом и Тржичем – 9,7 тыс. словенцев и 0,7 тыс. итальянцев (причем, последние были результатом «спорадического переселения позднейшего времени») [24, л. 132–137]. Идеи белорусской линии были поддержаны на заседаниях Комиссии в выступлениях Н. Н. Петровского (Украинская ССР), Э. Карделя (ФНРЮ), М. Виневича (Польша). Последний привел развернутые исторические параллели между Данцигом и Триестом [23, л. 165–169].

Получив такую поддержку, Югославия в специальном меморандуме о границе заявила, что не может принять французскую линию, которая на всем своем протяжении отрезает пояс югославской этнической территории площадью 900 кв. км, в котором проживало по данным австрийской (1910) и итальянской (1911) переписей 56,2 тыс. словенцев и хорватов и только 14,9 тыс. итальянцев. В документе отмечалось, что почти все эти итальянцы живут в этнически смешанном Триесте. Поэтому предлагаемая граница является этнически неоправданной и несправедливо передает Италии компактную югославскую этническую территорию. Кроме того, французская линия дает Италии все стратегические исходные позиции против Югославии, которыми Италия уже воспользовалась в апреле 1941 г. В Меморандуме была сформулирована готовность Югославии отказаться более чем от $\frac{1}{3}$ этой территории взамен получения четырех секторов к западу от французской линии [23, л. 123–124]. Они имели площадь в 550 кв. км с населением в 62,1 тыс. человек, в том числе 36,8 тыс. югославов, то есть 59,3 % [25, л. 3]. 1). Восточная часть Канальской долины, где словенцы составляли 75 %; 2). Восточная зона Бенешской (Венецианской) Словении (34 тыс. словенцев и 1,3 тыс. итальянцев); 3). Сектор Горицы со смешанным населением; 4). Сектор Тржич, где Югославия требовала границу по нижнему течению р. Соча до Адриатического моря [23, л. 125–133].

При разработке статута Свободной Территории Триест советская делегация выдвинула общие принципы и внесла свой проект, выгодно отличавшийся от западных. Белорусский представитель К. В. Киселев подробно высказался по проблеме границ Югославии с СТТ. Он осудил включение согласно французской линии в состав СТТ северо-западного участка Истрии, а также земель, которые по линии Моргана находились под югославским оккупационным управлением (эта территория в основном и составляла коридор от Триеста до Тржича). Данная часть полуострова никогда в истории не отделялась от остальной Истрии. Из 30 тыс. итальянцев более 25 тыс. проживало в семи прибрежных городках. Поэтому $\frac{4}{5}$ остальной территории коридора в этническом отношении было чисто югославским (среди 35 тыс. словенцев и хорватов имелось около 4 тыс. итальянцев), особенно это касалось пригородов Тржича. Что касалось города

и порта Триеста, то он всегда был тесно связаны со словенскими областями, традиционно являвшимися его рынком сбыта [24, л. 137–141].

Постановления ПМК носили рекомендательный характер, и надежды обеих сторон были связаны с III (Нью-Йоркской) сессией СМВД (ноябрь – декабрь 1946 г.), призванной завершить послевоенное урегулирование, в том числе, и вокруг Юлийской Крайны и Триеста. В период работы сессии продолжала функционировать Комиссия по Италии, где представители БССР продолжили борьбу за принятие белорусской линии. 12 ноября К. В. Киселев вновь подверг критике французскую линию, не находя причин для того, чтобы считать ее компромиссной, так как ни в одном своем отрезке она не давала словенцам их этническую границу. Он еще раз подчеркнул достоинства белорусской линии, которая устраняла клин в словенскую территорию, чем сокращалась вдвое протяженность границы на этом участке. При этом к Югославии отходило бы всего 170 км кв. с исключительно словенским населением. Киселев решительно возразил против провокационного предложения Бразилии отдать Италии почти всю исконную Словению [24, л. 277–280].

20 ноября К. В. Киселев внес в Комиссию поправку к ст. 16 проекта договора с Италией. Она касалась описания границы между Югославией и СТТ и во многом повторяла белорусскую линию. Кроме того, поправка оставляла на югославской стороне железнодорожную линию Опчина (*ит.* Опичина) – Шемпетер (*ит.* Сан Пьетро дель Карзо). Это обосновывалось тем, что все поселения вне городских стен являлись словенскими. Далее Киселев вновь затронул проблему Триеста и его порта, объясняя их экономический упадок оторванностью от словенского хинтерланда и принадлежностью Италии, которая совершенно не нуждалась в еще одном порте. Из этого выводились дополнительные аргументы в пользу принятия белорусской поправки [24, л. 287–292, 298].

Госсекретарь США Джеймс Бирнс остался непреклонен в вопросе ревизии французской линии. Исчерпав все возможности, в том числе и белорусскую линию, В. М. Молотов согласился с границей между Югославией, Италией и СТТ, основанной на французской линии. 12 декабря 1946 г., в последний день работы сессии, без дискуссии министрами было принято описание границы [26, л. 267]. В итоге в Нью-Йорке был составлен окончательный текст мирного договора с Италией, утвержден Статут СТТ. По настоянию СССР были определены сроки вывода иностранных войск из СТТ. Благодаря позиции стран советского блока ФНРЮ передавалась значительная часть Юлийской Крайны, по возможности были учтены югославские интересы в Триест.

Мирным договором устанавливались границы между Италией и Югославией (ст. 3), Италией и СТТ (ст. 4), Югославией и СТТ (ст. 22), определялись морские зоны [27, с. 91–92, 94–96, 100–101]. СТТ делилась на две зоны. Зона «А» (под контролем западных стран, 1/3 площади СТТ с Триестом) шла узким коридором от Тржича к Триесту, доходя до южной оконечности Триестинского залива. Зона «Б» (под контролем Югославии, 2/3 площади СТТ) – располагалась от этой оконечности далее к югу, включая города Копер, Изола, Пиран, Умаг, Новиград [28, pp. 163–167]. СТТ оформилась в особое образование под эгидой Совета Безопасности ООН. Разделение на две зоны предусматривалось до назначения губернатора, чего не произошло, что сохранило раздел [29; 30].

По Лондонскому договору 5 октября 1954 г. зона «А» СТТ была присоединена к Италии. Зона «Б» отходила к Югославии, причем ее

разделили между Словенией и Хорватией. Котар (уезд) Копер с прибрежными городами Копер, Изола, Пиран, Порторож – отошел к Словении, дав выход к Адриатическому морю и 25-ти километровую линию побережья. Котар Буйе с прибрежными городами Умаг, Новиград и материковым городом Буйе – был присоединен к Хорватии [31, с. 204, 214]. Тем самым волею судеб, уже без участия СССР, было частично реализовано белорусское предложение 1946 г. в пользу территориальных интересов двух югославянских народов.

Библиографические ссылки

1. Сальков, А. П. СССР і югаслаўска-італьянскія тэрытарыяльныя супярэчнасці ў раёне Істрыі–Трыеста (красавік 1941 – май 1945 гг.) // Весці БДПУ. Серыя 2. 2008. № 2. – С. 37–41.
2. Сальков, А. П. СССР и Триестинский кризис (май – июнь 1945 г.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 4. – Мінск : БДУ, 2009. – С. 128–141.
3. Гибианский, Л. Я. Сталин и триестинское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война / А. О. Чубарьян (отв. ред.). – М. : Наука, 1997. – С. 44–62.
4. Pirjevec, Jože. «Trst je naš». *Boj Slovence za morje (1848–1954)*. – Ljubljana : Nova revija, 2007. – 542 s.
5. Slovensko-italijanski odnosi 1880–1956, poročilo slovensko-italijanske komisije / ure-dili Milica Kacin-Wohinz, Nevenka Troha. – Ljubljana : Nova revija, 2001. – 161 p.
6. Уэст, Р. Иосип Броз Тито: власть силы. – Смоленск : Русич, 1998. – 512 с.
7. Kacin-Wohinz Milica, Pirjevec Jože. *Storia degli sloveni in Italia 1866–1998*. – Venezia : Marsilio Editori, 1998. – 151 s.
8. Pupo Raoul, Spazzali Robert. *Foibe*. – Milano : Mondadori Bruno, 2003. – 288 p.
9. Ballinger, Pamela. *History in Exile: Memory and Identity at the Borders of the Balkans*. – Princeton : Princeton University Press, 2003. – 328 s.
10. Pirjevec, Jože et al. *Foibe*. – Ljubljana : Cankarjeva založba, 2012. – 374 s.
11. Mikolić, Mario. *Istra 1941.–1947.: godine velikih preokreta*. – Zagreb : Barbat, 2003. – 398 s.
12. Pakor, Mario. *Confine orientale: Questione nazionale e Resistenza nel Friuli-Venezia Giulia*. – Milano : Feltrinelli Editore, 1964. – 385 p.
13. Сальков, А. П. СССР в дипломатической борьбе за урегулирование югославско-итальянского национально-территориального конфликта вокруг Юлийской Крайны и Триеста (июль 1945 – июль 1946 г.) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 5. – Минск : БГУ, 2010. – С. 18–39.
14. Duroselle, Jean-Baptiste. *Le conflit de Trieste, 1943–1954*. – Bruxelles : Editions de l'institut de sociologie de l'universite libre de Bruxelles, 1966. – 647 p.
15. Večerina, Duško. *Talijanski iredentizam*. – Zagreb : bez izdavača, 2001. – 290 s.
16. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). – Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 7. Д. 32.
17. АВПРФ. – Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 9. Д. 39.
18. АВПРФ. – Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 1. Д. 1.
19. АВПРФ. – Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 1. Д. 3.
20. Сальков, А. П. СССР и урегулирование национально-территориальной проблемы Триеста (июль 1946 – 1948 г.) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6. – Минск : БГУ, 2011. – С. 66–83.
21. АВПРФ. – Ф. 432. Оп. 1. П. 1. Д. 1.
22. АВПРФ. – Ф. 432. Оп. 1. П. 3. Д. 55.
23. АВПРФ. – Ф. 432. Оп. 1. П. 13. Д. 30.
24. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 907. Оп. 1. Д. 7.
25. АВПРФ. – Ф. 432. Оп. 1. П. 13. Д. 31.
26. АВПРФ. – Ф. 431/III. Оп. 3. П. 1. Д. 2.
27. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами: в 27 вып. – М. : Госполитиздат : Междунар. отноше-ния, 1926–1974. Вып. XIII. – 1956. – 495 с.
28. Valdevit, Giampaolo. *La questione di Trieste 1941–1954: Politica internazionale e contesto locale*. – Milano : Franko Angeli, 1986. – 279 p.

29. Vukas, Budislav. Državnopравни status tršćanskog područja 1947.–1954. – Zagreb : B. Vukas, 2005. – 370 p.

30. Vojna in mir na Primorskem: od kapitulacije Italije leta 1943 do Londonskega memoranduma leta 1954 / zbrali in uredili Jože Pirjevec, Gorazd Bajc, Borut Klabjan. – Koper : Annales : Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. – 511 s.

31. Čepič, Zdenko. Opis nastajanja slovensko-hrvaške meje po Drugi svetovni vojni // Mikužev zbornik / ur. Z. Čepič, D. Nečak, M. Stiplovšek. – Ljubljana : Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1999. – S. 201–215.

Сергеенкова Вера Васильевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В 1920-х гг.

Белорусский государственный университет начал свою работу 30 октября 1921 г. Известно, что декрет о создании Белорусского университета был подписан 25 февраля 1919 г. председателем ЦИК Беларуси А. Ф. Мясниковым, т. е. сразу после провозглашения ССРБ. Из средств республики на его нужды выделялся 1000000 руб. Однако по причинам внешне- и внутривополитического характера открыть университет не удалось. Знаменательно то, что вопрос об открытии Белорусского государственного университета встал одновременно с оформлением государственности Беларуси, с созданием ССРБ.

БГУ посвящено немало исследований. Следует отметить огромный вклад в изучение истории университета О. А. Яновского, «летописца» истории БГУ. Его работы посвящены различным аспектам развития университета [1]. Однако в связи с приближающейся юбилейной датой БГУ, его 100-летия, специалисты разных специальностей будут обращаться к различным аспектам деятельности университета. Учитывая современные изменения в работе высшей школы Беларуси, оптимизацию учебной и учебно-методической работы, информатизацию учебного процесса естественно стремление заглянуть в прошлое, проанализировать то, что было накоплено в этой сфере в первом высшем учебном заведении Беларуси XX в., ставшем ведущим высшим учебным заведением страны.

16 октября 1921 г. состоялось первое заседание Совета профессоров Белорусского государственного университета. На нем выступил ректор В. И. Пичета. Он выразил уверенность, что «вновь открываемое высшее учебное заведение будет светочем культуры и науки для всего края». Он произнес поистине пророческие слова: «Университет окажется притягательным центром, вокруг которого будет объединена и сосредоточена вся Духовная и Культурная жизнь всей Республики». [2, л. 1–1 об.]. И действительно, Белорусский государственный университет стал основой формирования интеллектуальной элиты Беларуси.

Еще до начала занятий были определены открываемые факультеты, их структура, решался вопрос о их кафедрах. В марте 1921 г. было принято решение Совета Народных Комиссаров РСФСР о факультетах общественных наук. В нем говорилось: «Факультеты общественных наук имеют своей задачей создание кадров научно-подготовленных практических работников социалистического строительства». [3, л. 2]. Это постановление СНК было направлено в Минск, чтобы были перечислены предполагаемые к